

11. Прошко В. Принцип субсідарності - інструмент розподілу повноважень / В. Прошко //Аспекти самоврядування. - 2001. - 1.- с. 2- 18.
12. Локк Дж. Опыт о человеческом разумении / Дж. Локк. [сочин. в 3 - х тт. - т. 1.] - М., 1995. - 621 с.
13. Alexander Jeffrey C. Core Solidarity/ Ethic Cut Group and Social Differentiation In Differention Theory and Social Change/ Comporative and Historical Ptrspective// Ed. by Jeffrey C. Alexander and Paul Colomy. - Ney York Colambia Univercity Press, 1990. - p. 268 - 272.
14. Rosmini Antonio. The Philosophy of Politik/ Volume 2. Society and its on A. An Essay on the History of Civil Society. Purpose. Rosmini House. Durham, 1994. - 487 p.

Дзюбенко М. А. - аспірантка кафедри філософії і соціології Государственного учреждения «Южноукраинский национальный педагогический университет имени К.Д. Ушинского».

УДК: 303.6+345.026.8

ЭТИКА НЕНАСИЛИЯ В АСПЕКТЕ ГЕНДЕРНО-ПОВЕДЕНЧЕСКИХ КОНСТРУКТОВ

У статті розглядаються основні гендерні підходи до етики ненасилля. Досліджується аксіологічна складова фемінного і маскулінного концептів ненасилля. Аналізуються механізми насильницької і ненасильницької соціальної взаємодії в аспекті основних гендерно-поведінкових конструкцій.

Ключові слова: *насильство, етика ненасилля, гуманізм, миротворчість, гендерні акценти ненасильницької ідеї, патріархат, фемінність, маскуліність.*

В статье рассматриваются основные гендерные подходы к этике ненасилия. Исследуется аксиологическая составляющая феминного и маскулинного концептов ненасилия. Анализируются механизмы насильственного и ненасильственного социального взаимодействия в аспекте основных гендерно-поведенческих конструкций.

Ключевые слова: *насилие, этика ненасилия, гуманизм, миротворчество, гендерные акценты ненасильственной идеи, патриархат, феминность, маскулинность.*

The article reviews main approaches to gender ethics of nonviolence. The axiological component of feminine and masculine concepts of nonviolence is investigated. Mechanisms of violent and nonviolent social interaction in the aspect of basic gender-behavioral constructs are analyzed.

Key words: *violence, nonviolence ethics, humanism, peace-making, gender, accents of non-violent ideas, patriarchy, femininity, masculinity.*

Насилие в различных формах его проявления развивалось вместе с человечеством и проникло во все сферы человекомерного пространства. Кроме межличностных отношений, насильственные формы взаимодействия можно встретить в любых социальных микро- и макроструктурах. Семиотика насилия встречается в речи, жестах и других формах вербальных и невербальных коммуникаций.

Цель статьи: рассмотреть аспекты ненасильственной этики в их типологической специфике с позиций гендерно-поведенческих конструктов.

Задачи статьи: проанализировать гендерный подход к идеям насилия и ненасилия, а также рассмотреть этику ненасилия в русле гендерно-поведенческих механизмов.

В психологической отрасли знания, понятие патриархата во второй половине XX века

становится ключевым пунктом в анализе культурных трансформаций человечества во многом благодаря работе К. Миллет «Сексуальная политика». Фундаментальные постулаты данной работы основываются на тезисе, гласящем о том, что во всех известных общественных формах отношений между полами четко прослеживается их базированность на власти и поэтому они (отношения) являются политическими. Такая власть принимает вид мужского доминирования во всех отраслях жизни социума. «Мужское господство, — пишет К. Миллет, — остается, пожалуй, наиболее всепроникающей идеологией нашей культуры и воплощает ее наиболее глубинное и фундаментальное представление о власти» [4, с. 149].

В социально-философских и психологических кругах широкое распространение получила так называемая «триада мужского насилия» [4, с. 57]: насилие мужчины в отношении женщины, насилие мужчины в отношении мужчины и насилие мужчины в отношении самого себя. И, если последний пункт данной системы (насилие в отношении самого себя) можно с легкостью перенести и на женские внутриличностные конфликты, то первые два пункта с трудом можно возвести в рамки нормы для женского поведения. Однако же, сама формулировка мужской триады насилия не вызывает неприятия и внутреннего противоречия у читателя, поскольку насильственная система взаимодействия с миром ассоциируется именно с мужским началом.

В последнее время насилие начинает осмысляться с позиций глубокого укоренения патриархата как в государственном, правовом аспекте жизни общества, так и в культурной его сфере. Именно с этих позиций мы и попробуем рассмотреть ненасилие, как своеобразный феминный отклик человечества на маскулинность насильственных взглядов.

Прежде всего, стоит рассмотреть символизм феминного и маскулинного, очертить круг проблем, которые затрагивают данные категории.

В последнее десятилетие в научный оборот вошло понятие так называемой гендерной картины мира (ГКМ). Однако многие методологические аспекты данного понятия до сих пор остаются малоисследованными. Фундаментом, на котором базируется ГКМ, являются архетипические образы феминности как совокупности традиционно женских качеств и маскулинности как синтеза исконно мужского набора поведенческих реакций. Стоит сразу отметить, что феминность является скорее нравственной категорией, а маскулинность же — действенной. Иными словами, средоточие женского начала находится внутри индивида, а средоточие мужского — во внешнем мире. На первый взгляд может показаться, что феминность лишь синоним женственности, а маскулинность — мужественности, однако сама суть этих понятий не привязана к понятию гендера. Мужчина может быть носителем феминности, женщина может сочетать в себе маскулинное начало. Встретить примеры такого смешения гендерной принадлежности и внутренней направленности личности в современном обществе не составляет проблемы.

Главный методологический принцип взаимосвязи маскулинности и феминности как атрибутов гендерной направленности находит свое отражение в законе их дополнения. Иными словами, в качестве противоположностей маскулинность и феминность дополняют друг друга в рамках единой ГКМ. Важнейшая черта противоположностей такого типа — их общая невозможность меняться местами и переходить друг в друга. Точнее, взаимопереходы для дополнительных противоположностей, в отличие от типично диалектических, второстепенны и не составляют их отличительную черту [1, с. 35].

Это означает, что феминное не имеет смысла без маскулинного и наоборот. Синтез мужского и женского начал породил тот особый тип культурологического восприятия быта, в котором мы сейчас и находимся. Феминное может проявиться в своей типологической специфике только при условии наличия маскулинного. Например, мягкость как изначально феминная характеристика может существовать только наряду с твердостью как маскулинной категорией. Однако мягкость может быть присуща и мужскому началу. Точно также изначально маскулинные качества могут встречаться и в женском поведении. Именно с позиций данного диморфизма личностных качеств мы и попытались рассмотреть ненасилие

в его гендерной специфике.

На VII всемирном женском междисциплинарном конгрессе в Тромсо 1999 года Майкл Кауфман, канадский социальный философ, предложил к рассмотрению семь основных постулатов мужского насилия. Семь «П» [1, с. 40]. На примере этих постулатов мужского насильственного поведения мы и попробуем вывести семь базисных ненасильственных механизмов женского взаимодействия с миром.

Первое «П»: Патриархальная власть.

Трудно не согласиться с общепризнанной социальной установкой, говорящей о том, что патриархальная форма общественных коммуникаций, власть мужчин над женщинами, есть основа для функционирования всех типов современного общества. Патриархальная система регулирования выходит далеко за пределы социальных структур власти. Патриархат базируется в обществе как норма, главным образом, с помощью процесса социализации, который начинается с воспитания в семье, воспроизводится системой образования, литературой, религией до такой степени, что его ценности усваиваются как мужчинами, так и женщинами.

Современная психологическая парадигма хоть и декларирует равенство полов, однако же предполагает различие между феминной и маскулинной деятельностью. Современный общепринятый аспект моногамности брака является прямым следствием синтеза мужского и женского начал. Американский психотерапевт Ирвин Ялом на примере традиционной семьи показал, насколько сильно взаимозависимы мужчина и женщина в условиях патриархата. Мужчина, с точки зрения Ялома, как ведущий участник семейной коммуникации был бы невозможен без женщины, которая берет на себя роль ведомого. Таким образом, патриархальное насилие в русле его маскулинной доминантности было бы невозможно без молчаливого поощрения феминной ведомости. Патриархат как архетипичный символ лидерства стал одним из общепринятых не порицаемых канонов мужского насильственного начала [2, с. 51].

Антиподом мужской насильственной патриархальной власти может служить так часто встречающаяся среди женщин «миротворческая» этика. Ненасилие само по себе является практикой решения бесконфликтным путем тех ситуаций, которые традиционно принято решать с помощью применения силы. В основном, пример такого ненасильственного женского поведения можно встретить в сфере межличностных отношений. Выше мы уже показали, что само определение феминности не носит в себе четких гендерных характеристик. Феминность понимается как комплекс поведенческих механизмов, традиционно свойственных женскому началу. Мягкость, готовность помочь, уступающая тактика поведения – это и есть те основные миротворческие аспекты женской коммуникации, которые служат ответом на патриархальное лидерство маскулинности.

Второе «П»: Ощущение права.

Когда мужчина решает ситуацию насильственным путем, он может не отдавать себе отчета в том, что его действия направлены исключительно на поддержание собственной власти над другими. Это происходит в основном из-за того, что мужчина психологически ощущает внутреннее право на привилегии. Антропологически такое мужское поведение можно объяснить исторически сложившимися видами деятельности, которые традиционно выступают в роли мужских: добыча пропитания, охрана территории, безопасность потомства. В конечном счете, вся эта деятельность сводится к мужской ответственности за выживание семьи и рода. Поэтому мужское подсознательное право на привилегии зародилось не вопреки всему, а во имя. В данном случае, во имя безопасности в целом.

Женский же аспект ненасилия в данном контексте заключается в жертвенности, самоотречении ради других. В социально-культурном плане, такая позиция женской самоотдачи сформировалась и укоренилась в обществе, благодаря традиционному образу материнского поведения, которое и основывается на беззаветной жертвенности своими интересами ради блага потомства.

Здесь также не лишним будет рассмотреть и этимологические истоки самого термина жертвенности. Родственно литературные корни этого понятия находят и в древне-прусском языке (*girtwei* - хвалить, воспевать), и в старославянском (жърж – творю жертву, жрец). Таким образом, жертвенность – это не слепая самоотдача, а разумный акт благодетели в пользу другого. Выказывание своего участия в судьбе кого-либо. Современный российский теолог, христианский публицист Григорий Габдиев в своем этимологически-ретроспективном анализе понятия жертвенности приходит к выводу, что жертвенность – это характеристика разумного лидерства. Что такое жертва? Жертва – это то, что имеет для нас особый вес, значимость. Если жертва не имеет особой ценности, то сам акт жертвенности является фикцией. Жертва является добровольным отказом от чего-либо в пользу другого, нуждающегося. Именно поэтому феминная жертвенная добродетель является своеобразным откликом на мужское априорное ощущение правовых привилегий.

Третье «П»: Попустительство.

Во многих странах законы об оскорблении жены или сексуальных нападениях на жену недостаточно разработаны или отсутствуют, во многих других законах наказание за эти действия почти не предусматривается; иногда законы абсурдны, как, например, в тех странах, где заявление об изнасиловании только тогда принимается к рассмотрению, когда имеется несколько свидетелей-мужчин, и где показания женщины не принимаются во внимание [2, с.103]. Вследствие этого, мужские акты насилия и проявления агрессии (конкретно против других мужчин) воспеваются в спорте, армейском деле и литературе. Насилие здесь не просто допускается, но еще и поощряется, как особый вид благородства.

В данном случае социальное равнодушие к маскулинному насилию базируется на правовом государственном отношении к самому феномену насилия и к проявлению агрессии в целом. Отношение государства к насилию можно условно разделить на два типа. В первом случае государство институционализирует насилие (легитимизирует его), во втором – заменяет сам открытый акт насилия косвенными формами, такими как экономическое насилие, моральное и другие узконаправленные разновидности властного доминирования.

С одной стороны, современное индустриальное общество с его господствующим приоритетом денег более гуманно, чем все формы правления, ему предшествующие. Но с другой точки зрения, отчетливо ясно, что господство физического насилия, всячески порицаемое современным обществом, просто трансформировалось в его экономический аналог. Именно поэтому общественное попустительство к мужскому насилию, которое в его развернутой специфике выглядело бы сейчас кощунственно и дико, трансформировалось в попустительство экономического порядка. Таким образом, маскулинному типу поведения не только предписывается, но и всячески поощряется более властное экономическое положение в социуме.

Женский аспект ненасилия в данном контексте заключается в традиционном неприятии обществом женской роли агрессора. Например, в кино и литературе наряду с воспеванием мужской силы выступает одобрение и поощрение таких женских качеств, как терпимость и доброта. Вместе с этим, именно женская миротворческая миссия, о которой уже говорилось ранее, зачастую выступает катализатором мужской агрессии. В противовес мужскому насильственному поведению всегда ставится женская добродетель.

Четвертое «П»: Парадокс мужской власти.

Мужской путь становления власти окружен страхом и боязнью неповиновения. Поэтому, как это ни парадоксально, но мужская насильственная власть порождает мужские страхи перед изоляцией и отступлением от занятых позиций, которые в первую очередь болезненны для самих мужчин. Именно в этом заключается так называемый парадокс маскулинной или насильственной формы власти, поскольку идеалу маскулинности очень трудно соответствовать.

Материальное положение человека сейчас является одной из основных характеристик власти, оно способствует формированию его образа не только в глазах окружающих, но и

зачастую в его собственном воображении. Так как в социуме принято считать богатых людей более здоровыми, успешными и адаптированными к условиям внешней среды, человек с низким уровнем достатка зачастую ощущает себя несчастным и менее приспособленным к окружающей действительности. Такая деструктивная самооценка очень часто является неприятной как для самого индивида, так и для окружающих его людей. Самоидентификация с помощью денег является насильственным механизмом угнетения по отношению к самому себе, однако отказаться от этой установки в условиях современного экономического общества мужчинам практически невозможно. В этом случае денежные единицы ставят мужское начало перед острой необходимостью критической оценки и рационального обоснования своих действий. Мужчинам приходится жить под гнетом самой идеи постоянного накопления капитала.

Антиподом парадоксу мужской власти служит женская позиция слабости. В данном контексте женская слабость понимается как принятие собственных ограниченных возможностей, как физических, так и управленческих. Именно слабость, присущая феминному типу взаимодействия с обществом, зачастую приписывается женщинам в виде особой поведенческой формы ненасилия. Слабость здесь не только является сутью смирения с судьбой и миром, но и выступает в роли особой нравственной гордости, помогающей рационально соизмерять свои силы и возможности.

Пятое «П»: Психическое оснащение мужественности.

Поскольку мужской насильственный тип поведения является результатом психологической структуры мужского характера, то к оснащению мужественности относятся такие аспекты этого сложного процесса психического формирования мужчины, как ослабленная способность к сопереживанию и неспособность понимать нужды и чувства других индивидуумов. Отстраненное отношение к процессу властвования сейчас трансформировалось в традиционное управленческое поведение.

В современной теории управления возможна постановка всего двух задач. Первая задача: мы хотим управлять объектом в процессе его функционирования сами непосредственно. Это задача управления. Вторая задача: мы не хотим управлять объектом в процессе его функционирования, но хотим, чтобы объект — без нашего непосредственного вмешательства в процесс — самоуправлялся в приемлемом для нас режиме. Это задача самоуправления. Таким образом, психическое оснащение мужественности не может базироваться на сострадании и прочих аспектах чисто феминных переживаний, поскольку коммуникации управленческого толка основаны на материально-деловых отношениях и не несут в себе никакой нравственно-этической нагрузки. Эта позиция хорошо показана на примере ницшеанского сострадания, являющегося лишь формой деструктивного поведения личности.

В данном аспекте маскулинной глухоты к чувствам и эмоциям других, именно эмпатия выступает как визитная карточка женского сострадания. Благодаря природной склонности разделять и примерять на себя боль других, женщина гораздо реже выступает в роли агрессора.

Впервые термин эмпатия появился в английском словаре в 1912 году и был близок понятию "симпатия", смысловое значение этого термина возникло на основе немецкого слова *einfuhling* (проникновение), примененного немецким философом Теодором Липпсом в контексте психологической теории воздействия искусством. Однако же в гуманистической философской традиции эмпатию отличают от эмоциональной идентификации (уподобления, идентификации себя с другим, с его эмоциональным состоянием) и от сочувствия (переживания по поводу чувств другого). Вся теория эмпатического альтруизма объясняет человеческий альтруизм в терминах разделенного страдания. Именно разделенное страдание является феминным аспектом формирования личности, поскольку женское начало является собирательным образом архетипических форм соучастия в жизни других [4, с. 57].

Поэтому, если ослабленная способность к сопереживанию является одним из видов маскулинного оснащения мужественности, разделенное страдание в контексте его эмпатического понимания можно считать формой оснащения женственности.

Шестое «П»: Маскулинность как средство психологического давления.

Большинство доминирующих форм маскулинности берут начало из подавления эмоций и их трансформации в гнев. Мужская замкнутость обусловлена множеством психологических процессов, кроме того, именно традиционное мужское сокрытие эмоций внутри себя одобряется и поощряется обществом. Однако в результате подавления эмоций возникает обратная реакция. Эмоции вырываются наружу в виде гнева и агрессивных форм поведения. Маскулинность как набор жестких волевых качеств уже сама по себе является своеобразным «багажом» лидера. Однако если обладатель этого багажа постоянно показывает другим, что он является носителем властных черт характера, это действие воспринимается социумом как скрытая угроза, психологическое давление в преддверии будущего возможного конфликта.

Женская же открытость, эмоциональность и вспыльчивость точно также понимаются обществом, как обычные поведенческие аспекты феминности. Именно открытость и способность к диалогу способствуют тому, что возникающие конфликты зачастую решаются на месте с помощью неагрессивных вербальных коммуникаций. Вспыльчивость, традиционно феминное качество, в споре между мужчиной и женщиной очень часто является раздражителем, который сначала разжигает конфликт, а потом сводит его к нулю. Это происходит благодаря тому, что женская вспыльчивость дает своеобразное разрешение на выход мужского гнева вовне.

Седьмое «П»: Опыт прошлого.

Жизненный опыт большинства мужчин включает в себя воспоминания о насилии, которое они испытали сами. Во многих культурах мальчики подвергаются физическому насилию значительно чаще, чем девочки. Это обусловлено формой воспитания и социализации мужчин. В конечном итоге во многих культурах мальчики вырастают с опытом хулиганства, драк и применения силы без особых на то оснований. Такой опыт принимается и усваивается ими как должный тип поведения в будущей взрослой жизни.

Однако основы женского воспитания и социализации девочек предполагают более терпимый и разъяснительный подход к решению возникших трудностей. Лояльность и терпимость в воспитании девочек считаются особой нравственной нормой женской адаптации в социуме. Такая схема поведения закрепляется и усваивается девочкой, как будущий тип ее поведения во взрослой жизни. Конструирование женской идентичности непосредственно связывают со специфичным для женщины опытом. Он начинает создаваться благодаря особенностям социализации девочек с младенческого возраста, т. к. родители создают гендерно-нормированный образ новорожденного ребенка (бантики, длинные волосы, нарядные платья и т. п.), а также поощряют гендерно-нормированное поведение (нерешительность, эмпатийность, пассивность). В дальнейшем "быть девочкой" помогают институты социализации, важнейшими агентами которых являются ровесники, а также СМИ, наиболее жестко отстаивающие гендерные ролевые стереотипы [3, с. 106].

Подводя итог данного краткого анализа проблемы насилия и ненасилия в аспекте гендерного подхода, становится очевидным, что насильственная и ненасильственная формы взаимодействия индивидуума с миром закрепляются на нескольких уровнях психологического и физиологического становления личности и являют собой отлаженный комплексный механизм формирования и воспроизводства выработанных и приобретенных форм поведения. Исходя из того, что индивид зачастую не задумывается о механизмах конструирования его форм мышления, о процессах гендерной роли в данном вопросе, необходимость более детального рассмотрения и анализа этих процессов и развитие уровня социально-культурного образования в данном контексте приобретает особую важность.

Маскулинность и феминность являются важнейшими атрибутами ГКМ, ее центральными образами. Иными словами, маскулинность и феминность следует определять как, соответственно, мужественный и женственный способы репрезентации, характерные именно для ГКМ. При любой гендерной самоидентификации индивид сталкивается с

определенными сложностями ну пути построения диалога с социумом. Иногда эти сложности перетекают в открытый конфликт. Данный анализ, даже представленный в такой сжатой форме, дает понимание того, что проблема насилия требует четко сформулированного ответа, который может быть получен только при условии правильно сформированной личности как основного представителя общества.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Женские миры – 99: VII всемирный женский междисциплинарный конгресс в Тромсо и гендерные исследования в России. /Под ред. Шныровой О.В./ «Ивановский центр гендерных исследований». Иваново. 1999. - 177 с.
2. Клименкова Т. Насилие как основа культуры патриархатного типа: Гендерный подход к проблеме // Права женщин в России и выборы: Материалы тренинга. — М., 2001. — 190 с.
3. Ловелле Р. П. Тревожность, страх и насилие, и их жертвы как компоненты человеческой среды начала XXI века // Журнал прикладной психологии. — 2000. — № 1., - 182 с.
4. Хамитов Н. Философия человека: от метафизики к метаантропологии. — М., 2002. — 249 с.

Добролюбська Ю. А. – доктор філософських наук, доцент кафедри всесвітньої історії Державного закладу «Південноукраїнський національний педагогічний університет імені К. Д. Ушинського».

УДК 300.3+301+930.1

ОСНОВИ ПОСТМОДЕРНІСТСЬКОЇ ФІЛОСОФІЇ ІСТОРІЇ Х. УАЙТА

Прояснений механізм постмодерністських інновацій в філософії історії, сформульований у працях Х. Уайта. З'ясовані особливості застосування постмодерністського підходу до дослідження історичних процесів та специфіка дослідницької стратегії.

Ключові слова: історичне мислення, нарратив, ідеологічний аргумент, постмодерністська філософія історії.

Прояснен механизм постмодернистских инноваций в философии истории, сформулированный в работах Х. Уайта. Определены особенности применения постмодернистского подхода к исследованию исторических процессов и специфика исследовательской стратегии.

Ключевые слова: историческое мышление, нарратив, идеологический аргумент, постмодернистская философия истории.

The research makes peculiarities of application of the post-modern approach in the works of Hayden White clear. There is given the analysis of post-modern philosophy of history and specifics of the research strategy.

Keywords: historical thinking, narrative, ideological argument, post-modern philosophy of history.

В сучасній літературі існують різні оцінки впливу ідей постмодернізму на історичну науку. Одні дослідники називають постмодерністську парадигму наступним етапом розвитку, інші – її альтернативою, треті – авангардом. Однак більшість професійних істориків вплив постмодернізму на історичну науку оцінюють негативно, називають постмодерністську інтерпретацію історії знищувальною. В результаті в сучасній історичній науці сформувався образ постмодернізму як